

Вадим Строев мучился над очерком. Писал он о том, как отважный охотовед, спасая людей от пагубы, убил зимой бродячего зверя.

Медведя лесорубы потревожили в берлоге упавшим деревом, и тот, кипя лютой злобой, чуть не изжамкал вальщика леса, кинулся, кипя злостью, надвигающийся навстречу трелёвочник. Правда, в тот морозный день всё обошлось благополучно. Тракторист, увидев разъярённого зверя, развернул лихо трактор, дал по газам и помчался к балкú, где гомонили лесорубы, помогая оператору снять с погрузчика заклинившую коробку.

Медведь вернулся к могучему кедру, на котором, чуть живой, белый как снег, сидел вальщик с расплосованной штаниной, в ярости хватил лапой бензопилу и, сделав из неё бесформенный кусок железа, вразвалку побрёл в глубь леса. Снег не держал его. Но сильный зверь пёр напролом, как бульдозер, оставляя за собой широкую борозду.

Полуживого вальщика лесорубы снимали с дерева всей бригадой. На уговоры он не реагировал, неопределённо мычал, впившись заостренными руками в дерево. Кто-то из лесорубов предложил свалить кедр, но его затея не приглянулась бугру. Обтоптав для устойчивости вокруг дерева снег, он распорядился сколачивать лестницу.

Скоро прочная лестница из подходящих вырубленных жердей и скреплённых гвоздями поперечин была готова. Подпихнули её живо к кедру с упреждающим наклоном. Бугор для пущей безопасности двух человек к ней приставил, чтобы держали крепче. Сам медленно поднялся по ней наверх, дёрнул за рваную штанину вальщика, рыкнул повелительно:

— Долго будешь дурью маяться? Слезавай, Петька. Слышь, слезавай, паршивец.

— Да он примёрз там, чо ли? — нетерпеливо крикнули внизу.

— Окочурился, однако, — высказал своё предположение чокеровщик, рыжий Жорка.

— Эй, полуумок, кончай комедь ломать. Тут ноги к сапогам примерзают, а он там устроился весь совсем, — зло гаркнул пожилой раскряжёвщик Силантий.

— Кому говорю, слезавай! То счас шестом подмогну. Не поздоровится...

— Ни мычит, ни телится, — удручённо пыхтел бугор, пытаясь растормошить пострадавшего.

Вальщик, уставив остекленевшие глаза вдаль, казалось, не дышал. Ресницы и редкие усики подёрнулись инеем. На щеках застыли крупные капли слёз.

— Эй, робята, — подал голос бугор. — Подгоняй трелёвочник, и двое на кабину мигом. Морозище, дышать нечем. Вона у Петьки уже руки побелели. Загубим засранца. Суды затаскают. Слезавай, кому грю.

— И правда вонит. Как вонит-то! Аж дыхалку подпёрло, — загоготал зубоскал Жорка.

— Удумал — вонит... — возразил задумчиво Силантий. — У Петьки ко втокам всё добро примёрзло. Ишь, сапоги обледенели, и струя стылая обозначилась на стволе.

— Кончай базар, — рявкнул бугор, — уши вам заложило. Лесорубы ещё пожеребятились, поточили лясы над незадачливым товарищем, подогнали к кедру трактор. Силантий и Жорка неохотно забрались на кабину, принялись расцеплять занемевшие руки вальщика.

Но сколько бы они ни бились, не могли его оторвать от ствола. Вальщик шевелил побелевшими губами, издавая нечленораздельные звуки, пучил выскочившими из орбит глазами, вяло шевелил непослушными ногами, пытаясь вскарабкаться повыше.

— Ишь, ожил, ядрёна мать, — гукнул Силантий и так рванул за лопатину вальщика, что тот, разомкнув пальцы рук, кубарем повалился вниз.

Его на лету подхватили, затолкали в кабину трактора, помчали в тепло.

О происшествии на лесосеке сообщили в район. На другой же день сюда на снегоходах выехала бригада охотоведов и опытных охотников. Выследить по глубокой снежной борозде зверя им не составило особого труда. Опальный медведь далеко не ушёл. Покружив подле пихтового колка, он забрался в непролазную гущу подроста. Нахрястав там стылых веток, устроил лежанку. Но, учуяв человеческий запах, грозно ринулся на людей. Здесь же, у пихтового колка, от метких пуль карабинов сунулся косматой башкой в снег.

Вся слава подвига в поединке с шатуном досталась главному охотоведу Мартыну Игнатьевичу Синельникову. Местные журналисты у отважного охотоведа наперебой брали интервью. Даже послали информацию на краевое радио. Больше всего пестрела яркими заголовками районная газета «Синегорская правда». События в тайге как раз пришлись на время подписки. Экономный, разборчивый читатель стал забывать родную газету. Ему подавай жареные факты. Но где же в каждый номер наберёшься сенсаций? Их нынче по телевидению хоть лопатой гребь. Поэтому главный редактор не хотел упускать момент, уцепился за случай в тайге, как утопающий за соломинку. Вадиму Строеву за повышенный гононар поручил подготовить хороший очерк о главном герое дня.

— За основу возьми сам факт, а в фабулу очерка налей побольше лирики, картинок природных,— напутствовал главный редактор Серёгин.— Пушкин на лирику мастак был. Ну а природной водицы у Пришвина наберись. Полистай книжки для пользы общего дела. Смыслишь, Вадим Николаевич, к чему разговор веду?

— Как не понять,— ответил молодой журналист.

— Ну, раз понял, так с Богом,— обрадовался главный и предупредил: — От твоей работы во многом зарплата коллектива зависит. Перебиваемся с воды на квас. Сам понимаешь, какое положение сейчас, хоть закрываться впору.

— Я свободен?

— Да, стишок там какой-нибудь втисни. Знаю, что ты головастый. Стишки-то пописываешь? Теперь из каждой подворотни собака стихами гавкает. В деревнях забыли, как хлеб растёт, но поэтов зато развелось в каждом дворе.

Вадим неопределённо пожал плечами.

— Если сам не тумкаешь в стихоплётстве, то у того же поэта Рубцова что-нибудь слямзи, переделай, сделай шиворот-навыворот, чтоб авторским правом не пахло. Учись, пока я живой.

В спину бросил:

— Пиши так, чтобы твой герой не меньше чем на орден потянул. А то я тебе медаль из жестяной банки вырежу.

Вадим три дня тискал бумагу. Ночи прихватывал. Но полосный очерк о герое не давался. Уж сколько раз встречался с охотоведом Синельниковым, добиться направленности в изложении очерка от него хотел, но уходил с тем, с чем приходил. У того одно на языке: точность выстрела играет решающую роль в трагическую минуту. То взхлёб рассказывал, как он ещё по первому снегу выслеживал окаянного. Будто бы ещё тогда предполагал, что бродивший в октябре медведь станет шатуном.

— Опасен, ах опасен был зверюга! Матёрый...— восклицал вдохновенно Синельников, закатив глаза.— А вон ещё случай в моей практике был...

— Как же вы через полгода узнали медведя? Ведь вы осенью его встречали. У него что, на лбу было написано, или примета особая была? Может, другой медведь лежал в берлоге? Возможно такое?

— Приметы! Да, приметы, дружок,— воскликнул охотовед.— По лапам, по лапам, молодой человек. У моего знакомого лопаточки особенные. Осенью ещё подметил: шатун. Опасен, опасен нележалый зверь!

— Как нележалый? Он же в берлоге лежал.

— Да-да...— смутился Синельников.— Лежал, дружок, лежал.

Вадим не отступался:

— Какой же тогда это шатун, коль в берлоге мирно лежал? Вон в специальной литературе я читал: шатун — это медведь, который летом не нагулял жиру и не залёг в берлогу. То есть шатается как неприкаянный по тайге, пищу ищет.

— Что только не случается в природе. Не со мной, с людьми бывает,— проговорил охотовед, отводя глаза в сторону.

— Его же люди подняли!

— Какие люди? Деревинной хрястнуло. Если люди, так я бы быстро протокол состряпал. Да и у ребят моих не заржавеет.

Хваткие ребята. С браконьерством мы того... План по протоколам сверху спускается. С протоколами у нас строго. Приучил ребят, отца родного заложат, никакой родовой, никаких рангов.

Вадим сидел в раздумье. Не мог взять в толк, чего от него добивается главный. И при чём тут спящий в берлоге медведь? Чем больше он размышлял, тем больше убеждался, что история с шатуном сомнительна, вымышлена. И в ней вовсе не повинен зверь. Виноваты сами люди, которые его подняли. Очерк не получался. Портрет героического охотоведа размышлялся в тексте. У Вадима просто не лежала к очерку душа.

Печальные думы его прервал звонок из Красноярска. Звонил старый знакомый, с которым он познакомился много лет назад на вечеринке.

— Поздравляю тебя с наступающим праздником, защитником Отечества,— говорил Владимир Васильевич.— Как дела, Вадим? Жизнь как?

— Вроде бы ничего,— ответил сдержанно Вадим.— Маюсь вот с материалом, не получается.

— Но-но, не прибедряйся. Не получа-а-ается... Читал твои бойкие очерки в прессе. Навострился наводить тень на плетень,— балагурил Владимир Васильевич.— Не обижайся. Шучу.

— Вот именно: тень на плетень,— согласился Вадим.— Ты хорошо знаешь тайгу? Приходилось встречаться с медведями?

— Разве ты забыл, что я страстный охотник? Кстати, на праздник с мужиками идём на берлогу. У них и лицензия, и транспорт — всё на мази. Хочешь принять адреналину? А то давай, я договорюсь... Нацарапаешь потом... Ты наторел в этом деле. Думаю, мужики не откажут.

— У меня как раз очерк про медведя не получается,— обрадовался Вадим.— Только какая же моя там роль? Не помешаю?

— Жердью будешь шуровать. Научим,— заверил Владимир Васильевич.— Жди меня к вечеру.

День выдался морозным и ясным. Задумчивый лес, опушённый снегом, казалось, дремал. Заснеженные дали на открытых местах подёрнулись голубой дымкой. Снег так искрился, что было больно глазам.

Снегоходы остановились в условленном месте. Редколесье кончилось, и дальше бугристой грядой тянулось

пихтовое густолесье. Проводник, неказистый, но бойкий мужичок, ткнул рукавицей в плохо приметный бугорок.

— Баста, пришли. Здесь... А дальше — как договорились,— скороговоркой бросил он, поперхнулся и пошёл к снегоходам.

Там не спеша развязал рюкзак, вынул фляжку, приложился и задумчиво уставился вдаль.

— Ты, Ефим, помог бы как,— попросил его Владимир Васильевич.— А то тут охотники так себе, на словах. Сам видишь — будто на рябчика снарядились. Бойцы отважные по части баб да бани. Тебе же не впервой поднимать медведя.

— Не впервой...— сдержанно согласился Ефим.— Хорошо знаю повадки этой животной.

Он оглядел остренькими чёрными мышинными глазками с ног до головы попутчиков. Берлога его вовсе не волновала. Он нервно потряхнул свой тощий рюкзак, открутил пробку от термоска:

— Плесни грамульку...

— После...— пообещал Владимир Васильевич.

— Плесни-и-и,— занудил Ефим.— Не помешат для сугреву.

Вадим с опаской глянул на берлогу, которая не подавала признаков жизни, недоверчиво покосился на спутников. Все трое одеты основательно. Современные пуховые куртки делали их неуклюжими. Но у каждого в руках новое огнестрельное оружие неизвестного калибра и марки. Даже смазка не убрана. Неуютно стало Вадиму. Он непроизвольно с опаской отступил, хоронясь за толстым деревом.

Ефим демонстративно побрякал пустой фляжкой, вытер рот рукавом засаленной куртки.

— Деньги на кон... Как договорились,— заявил он вызывающе.

— С деньгами успеется. Не убежим... У нас слово — закон,— строго посмотрел на проводника тучный большеглазый мужчина.

— На нет и спросу нет,— буркнул Ефим.— Товды я пошёл...

— Не время разборки устраивать. Геннадий пошутил,— улыбнулся проводнику Владимир Васильевич.

— Какие разборки? Вам своё, мне своё,— опять двусмысленно ответил Ефим и безразлично уставился на снегоходы, блестящие на солнце новой краской. Недовольно проворчал: — Живут же люди... Жируют... Это сколь жабрупчиков такой красавец стоит? Мне такой и не снился.

«И верно, крепко живут ребята»,— подумал Вадим. Он смотрел из-за дерева на Ефима. Тот рядом с современными новыми машинами казался маленьким, никчёмным человеком из далёкого века. «Каменного топора только не хватает».

Путаные его мысли перебил Иван, неуклюжий, не в меру оживлённый делец.

— Чего рядитесь? Окочурился на морозе. Кончай базар,— засопел он, поёживаясь и нетерпеливо топчась на месте.— Чую, медведя там нет вовсе. Надул, падла. Надул честной народ.

Слова Ивана подхлестнули Ефима. Как будто кто шилом ткнул. Мышиные глазки Ефима забегали, рот скривился.

— Не приучены к обманству. Ишь, честной народ... Да вы за каждую копейку удавитесь. А нам, голожопым, не привыкать мякину жрать. Дурите, суки, народ, обираете...— орал он на всю тайгу.

Содержимое фляжки делало своё дело.

— А ну успокойся,— процедил сквозь зубы тучный Иван.— А то я тебя успокою...

Ефим расходился. Рванув во злобе рубаху, он попёр грудью на Ивана:

— На, бери, сука. Всё бери, чо на мне есть. Дранные штаны отдам. Может, подавишься...

— Спятил... ей-бо, спятил,— боязливо отшатнулся Иван.

— Эй ты, юродивый. Наколот нас. Хорош изображать из себя героя. С твоими байками о медведе лишь дорогое время убили, а удовольствия не получили. Где берлога? Ну, показывай. Я тя счас самого в землю зарюю,— взбунтовался Геннадий, наставив на проводника карабин.

— Повылазило вам,— сник и присмирел Ефим.— Не видите, куржак! Сказал — здесь, значит, здесь!

Вадим не участвовал в разборках. Он намерен был выбраться из укрытия и тоже глотнуть водки для сутрева —

мороз пробирал до костей. Даже ноги в собачьих унтах коченеть стали.

На восходе солнца мороз усилился. Деревья потрескивали. На ветках щебетали юркие синицы, стряхивая сверху снег. Он колючими иглами падал на лица людей.

Проводника остепенил Владимир Васильевич. Вынув бумажник, он всё же отсчитал новые купюры.

— Хватит?

— Давно бы так,— удовлетворённо хмыкнул Ефим и как ни в чём не бывало начал распоряжаться: — Ты, Василийч, руби жерди. Штуки три для дела надо. Одну гладкую, а другие суковаты чтоб были. Остальным готовность номер один. Да отопчите снег подле себя хорошенько. По номерам становитесь, робяты. Ты, который в косматой шапке, туда встань,— махнул он рукой Ивану.— А ты, жирный, сгинь с моих глаз долой, такие для зверя приманка.

— На карачках будешь ползать у меня, пятки лизать,— пригрозил Геннадий и, скрипя снегом, неохотно направился к снегоходам.

— А ты чо рот раззявил? — накинулся проводник на Вадима.— Где твоё ружьё?

— Я созерцатель,— стушевался журналист, удивляясь наглости Ефима.

— Чо тогда под ногами путаешься? Упрячься товды вона под кедром и не вякай.

Вадим так замёрз, что ему не хотелось даже двигаться. Но, пересиливая себя, принялся отчаянно топтаться на месте, скрипя снегом.

— Толай вон за ним, созерцатель,— боднул головой Ефим в сторону снегоходов.— Ишь... созерца-а-атель... Все вы тут созерцатели, ядрёна вошь. Ну-кась накатите мне оружие. Ну-у-у... Поживей, робяты.

Владимир Васильевич сунул в руки проводника свой СКС, сам пустился бегом к снегоходам. Тотчас же вернулся со скорострельным ружьём.

Подбирая приготовленные жерди, Ефим недовольно ворчал:

— Какой пакости ноне не встретишь в тайге. При деньгах всё могут, море им по колено. А что зверь встревоженный

опасен шибко, никто в тям не возьмёт. Созерца-а-атели, ядрёна вошь. Деньгу тапереча все делают. Где правды искать? На небеси? Всех бы вас попеременке в берлогу турнуть. Побрататься там... То-то матушка-тайга плачет и рыдат от такого пакостья. Если бы не нужда да не детки малые, хрен положил упражняться тут с вами, оборотни цветастые.

— Поумерься,— оборвал его ворчанье Владимир Васильевич.— С тобой, брат, не шутят. Не в тот огород камни бросаешь. Лучше держи язык за зубами. В тайге ты герой. Никто не спорит. Но дома может всё по-другому обернуться. Кумекаешь, к чему клоню? Не пугаю — предупреждаю. Соображай... Понял?

— Как не понять! Понятливый я, ядрёна вошь,— сразу обмяк Ефим.

Лицо его посмурнело. Незаметно сунув руку за пазуху, приласкал бойкими пальцами купюры, засуетился. Суковатые жерди скрестил и, ловко сунув в чело, принялся шуровальной жердиной ворошить нутро берлоги. Владимира Васильевича толкнул плечом:

— Отринь в сторону от чела. Супротив его не мельтеши. Глазом не успеешь моргнуть, как облапат. Не с бабой, с медведем вошкамся.

Из берлоги ни звука. Охотники опять засомневались, есть ли кто там.

Ефим ловко выхватил шуровальную жердь из берлоги. Быстро заострив топором её конец, он снова с силой ударил в чело.

Тайгу оглушил утробный рёв зверя. Из берлоги показалась голова медведя. Дружные хлёсткие выстрелы заглушили этот рёв, и всё стихло. Голова зверя застряла между скрещённых суковатых жердей. Снег вокруг чела берлоги окрасился кровью.

— Делу время — потехе час,— довольно ослабил Ефим, крепко пожимая Владимиру Васильичу руку.— Хлёстко ты его! Стреляный воробей, однако. Не одного завалил?

— В упор-то...

— Тут момент, и главное... главное — не сдрейфить! Я ить тож не оробел. Видал? Не дай Бог, еслив бы выскочила энта пропастина. Наворочала бы грудудерьма,— потешно шмыгнул

мокрым носом Ефим, лукаво поглядывая в сторону снегоходов.— Вон и вьюноша безоружейный не убёг. Товарищ-то твой тож пальнул, однако, ядрёна вошь.

Ефим, хваля охотников, прежде всего хвалил себя. Ему явно хотелось загладить свою вину. Он заискивал перед Геннадием. Мол, наговорил тут, погорячился. Но все молчали, думая каждый о своём.

После недолгой паузы Иван сдержанно спросил:

— Отличились... Дальше что?

— Вытаскивать примемся пропастину. Верёвки давай! — взвизгнул обрадованно Ефим и, скинув лёгкую лесную куртку, приготовился действовать.

Выезжая в тайгу, Вадим ожидал от охоты больших впечатлений. Напротив, неоправданное убийство медведя удручало его. Он мысленно перекраивал уже почти готовый написанный свой очерк об охотниках и отважном охотоведе Синельникове. А само слово «охотник» застряло в горле, и хотелось закричать: «Убийцы». Он чувствовал в теле слабость. С каждой минутой нарастало отвращение ко всему, что происходило у берлоги. И вовсе почувствовал себя удручённым, беспомощным и даже виноватым перед тайгой. Когда тушу зверя выволокли наружу, оказалось, что это была медведица. Из набухших сосков капало молоко, стекая по шерсти на снег, смешанный с кровью.

Ефим ловко нырнул внутрь берлоги, достал трёх крошечных медвежат. Они, слепые, величиной с рукавичку, беспомощно жались друг к другу, плакали, как малые дети. У Вадима сердце сжалось от боли. Он готов был заткнуть уши, бежать куда глядят глаза, но бежать было некуда. Его обступала вековая тайга и, казалось, стиснула, придавила сверху. Дунул ветерок. С деревьев сыпанул снег. Он запорошил шапку, плечи Вадима. И ему показалось, что какая-то необъяснимая, неведомая сила завладела его сознанием. Его стало знобить. Голова закружилась, хотелось закричать, но губы не слушались, в глазах потемнело. От пережитого стресса, обилия крови на снегу ему стало дурно. Вадим стал оседать на снег. До его сознания медленно доходили обрывки фраз охотников, отмечающих торжество удачной охоты. Кто-то тряс его за плечо. Больше Вадим ничего не помнил.

Охотовед Синельников встретил журналиста радушно. Он усадил его на стул, сам развалился в старом скрипучем кресле. Дружески похлопав гостя по плечу, заулыбался:

— Кофе или чаю?

— Спасибо. Ни того, ни другого,— сдержанно ответил Вадим.— Скажите мне, Мартын Игнатьевич: до какого времени разрешается отстрел медведя?

Синельников удивлённо вскинул глаза. В них мелькнуло любопытство.

— Известно... По закону — до двадцать восьмого февраля.

— Не поздно?

— Что не поздно?

— Это позднее время добычи медведя в берлоге равноценно убийству.

— Не понимаю вас...

Вадим чувствовал, что затеянный им разговор окажется пустым, никчёмным и ничего он в этой жизни не изменит. Но он хотел очистить свою совесть. Поэтому пришёл за разъяснениями к охотоведу.

— Я спрашиваю: зачем в берлоге убивают медведя?

— Вы что, с Луны свалились? — удивился Синельников.— Есть правила, установленные государством. Медведь — зверь лицензионный, и не каждый нынче позволит взять лицензию. Воспользоваться этим могут только состоятельные люди. Стоит развлекательное удовольствие три тысячи рэ. Разные предприимчивые фирмы предлагают за берлогу до пяти тысяч баксов. Недурно?

Вадим спрашивал охотоведа и ждал от него сочувствия, что ли, поддержки в раскаянии своего греха. С надеждой смотрел в его ничего не выражающие глаза, но всё больше убеждался в душевной чёрствости чиновника, держащегося руками и ногами за своё, хоть и расшатанное, кресло. Чиновника, который не видел ничего вокруг себя, извлекая от маленькой своей должности немалые выгоды.

— А как же медвежата? — тихо спросил Вадим.

— Какие медвежата?

— Ну, те, что в феврале рождаются в берлоге.

Синельников усмехнулся, хлопнув себя по колену.

— А я то прикидываю, в чём загвоздка. Ума не приложу.

— В чём же? — напрягся Вадим.

Его лицо налилось злобой. Строгие глаза огнём жгли охотоведа. Он поднялся, сдержанно, но отчётливо, как судья читает приговор подсудимому, начал свою речь:

— И даже не загвоздка, а беда! Тайга и всё, что в ней находится, гибнет на глазах. На всех уровнях власти чиновники твердят о её защите, желании сохранить для потомков. На самом деле преступники обступили её со всех сторон, забыв о самом священном. Мало того, что вы, разбазариваете лес, гноите его в штабелях. Но самое главное ваше преступление — вы убиваете детей. Вы, чиновники, неоправданными деяниями, за взятки, губите всё живое на земле. Вы преступники!

— Постой-постой, парень,— заволновался охотовед, перейдя на ты.— А я тут при чём? С цепи сорвался, что ли? Или плохо спал? Баба не дала? Не пойму чтой-то.

— Не поймёте, как слепых медвежат убивают?

— Закон прописывает нам...— стушевался Синельников. Вадим оборвал:

— Законы исполняются низами. От них же идут все беды. Сколько диссертаций докторских защищено по охране природы! Толку из того?! Пустобрёхи.

— Ты объясни мне, в чём дело? — устало попросил Синельников.— Членораздельно объясни. Вместе по полочкам разложим. А то налетел коршуном.

Вадим замолчал. Перед его глазами предстала заснеженная тайга, а на снегу шевелились замерзающие медвежата.

— Берлогу тут одним делягам продали,— тяжело выдохнул он.

— Эй, Елистратов, уточни: где на днях медведя поднимали? Была ли у них лицензия на отстрел? — оживился охотовед.— Слышал краем уха, что где-то в Пировском районе.

— Будет сделано,— с готовностью ответил седой пожилой инспектор, бесцельно перебиравший бумаги на столе.

— Была липовая бумага,— тяжело выдохнув, подтвердил Вадим.— Всё там было: и блеск, и удадь, и слёзы...

— Липовая?! — переспросил охотовед.

— Все ваши бумаги липовые, для острастки и глумления писаны.

— Если законно, то ради Бога. Но мы всё одно проверим как надо. Извини, дорогой, служба такая: доверяй, но проверяй,— напрягся Синельников.

— А медвежата?.. Значит, законом можно...

— Фу, куда понесло! Медведя столь развелось, что людям за грибами в лес не выйти. Нашёл трагедию! Медвежат пожалел. Из них же медведи вырастут. Тебя же, безумного, подкараулят,— сгущал краски Синельников.— Ты мне скажи лучше, когда статейку свою пропечатаешь. Слежу за прессой, а статейкой твоей даже не пахнет. Главный редактор обещал. Понимаешь, сроки поджимают. К отчёту бы статейка сгодилась. А?..

— Провалитесь вы со своим главным редактором. Но очерк обязательно будет — в краевой или общероссийской газете,— пообещал твёрдо Вадим и, не закрыв за собой дверь кабинета, вышел.

Вслед неслись злобные маты Синельникова. Ему поддакивал инспектор:

— Молод ещё, а рассуждает как старик. А ведь молоко на губах не обсохло.

— Брякну-ка я господину Серёгину, каких дураков в газете держит.

— Брякни, брякни, Мартын Игнатъич, обязательно брякни,— согласился Елистратов.

«Да пошли вы все...» — раздражённо махнул рукой Вадим. А было понятно, что это война с ветряными мельницами. Кто он есть, Вадим Строев, перед громадой чиновников, держащихся за букву закона?

Вадим в раздумье остановился. Идти в редакцию газеты «Синегорская правда» уже не было смысла. Его ждала биржа по трудоустройству.

Над городом светило зимнее солнце. Искрились позолотой купола храмов. По улицам Синегорска куда-то спешили люди, скрипели тормозами разноликие машины. Вдали бугрился торосами Енисей. За ним в лёгкой дымке, погружённая в сон, стояла молчаливая тайга.

А перед глазами Вадима стоял окровавленный снег и на нём — ползающие беспомощные медвежата...